

А. И. Кузнецова

Москва, государственный университет

ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В БАИШЕНСКОМ ГОВОРЕ ТУРУХАНСКИХ СЕЛЬКУПОВ*

Об исторических изменениях в языке северных (тазовско-туруханских) селькупов можно говорить применительно к последним 150 годам. Эволюция происходила неравномерно; ощутила она была уже в период так называемого “языкового строительства” 1920–30-х гг., но особенно заметна стала в послевоенное время, во второй половине XX в., когда в результате многочисленных изменений в национальной политике государства и в вопросах образования молодое поколение начало отказываться от языка этноса и добровольно переходить на русский язык (используя, в лучшем случае, родной как язык домашнего общения). В подавляющем большинстве районов проживания селькупов родным языком сегодня владеет лишь старшее и частично среднее поколение северных селькупов, однако, и в их речи наметились значительные изменения по сравнению с записями исследователей селькупского языка первой половины XX в. В качестве примера таких эволюционных процессов, происшедших за последние 50 лет, будут рассмотрены изменения в грамматической категории числа (в частности, — категория двойственности) в северном (тазовско-туруханском) диалекте. Один из говоров этого диалекта в 1920-е гг. (говор с. Янов Стан) изучал Г. Н. Прокофьев, называя его тазовским [Прокофьев 1935: 14], а другой (баишенский) в 1940-е гг. описала под определенным углом зрения Л. А. Варковицкая.

Категория двойственного числа, как в имени, так и в глаголе (в дальнейшем — Du) представлена в работах Л. А. Варковицкой и в ее полевых записях 1940-х гг. в сравнительно ограниченном количестве примеров. В полевых материалах 1990-х гг., собранных мною в том же говоре, где собирались и тексты Л. А. Варковицкой, а именно — в селе Фарково Туруханского района Красноярского края, куда в свое время были переселены также жители сел Верхняя и Нижняя Баиха, данная категория практически не встречается совсем.

Во введении к своей кандидатской диссертации, защищенной в 1947 г. в Институте языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра, “Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора)” (рукопись) Л. А. Варковицкая дает краткий очерк грамматических категорий баишенского глагола. Наряду с решением проблем глагольного словообразования исследовательница рассматривает, в частности, систему личных суффиксов глагола в повелительном наклонении и отмечает, что “чрезвычайно сложная система спряжения глагола в повелительном наклонении в тазовском диалекте значительно упрощена в языке баишенских селькупов” [Варковицкая 1947: 24]. Действительно, таблица Г. Н. Прокофьева содержит в общей сложности 27 показателей (не считая фонетических вариантов, в том числе и усечений) при учете “переходящего и непереходящего залогов”, как Г. Н. Прокофьев называет переходные и непереходные глаголы, и при наличии трех чисел — Sg, Du, Pl [1935: 64] (ср. не менее сложную таблицу форм императива в красноселькупском говоре тазовского диалекта в 1970-е гг. [Очерки 1980: 248]).

* Грант фонда РГНФ № 01-04-16225.а

Система форм императива в баишенском говоре выглядит значительно проще, о чем можно судить по таблице, данной в диссертации [Варковицкая 1947: 24] и слегка скорректированной мною (в целях удобства сопоставления в дальнейшем примеров 1940-х и 1990-х гг. произведена замена в транскрипции Л. А. Варковицкой знака *ь* на *у*, *æ* на *ä* и *ä* на *õ*):

	Единственное число		Множественное число	
	Непереходн. гл.	Переходн. гл.		
2 лицо	äšik, äš	t(y)	2 лицо	nylyt, nylyt, nyjylyt
3 лицо	nija (1 спр.), njja (2 спр.)	nyjny (1, 2 спр.)	3 лицо	nyjnyjõtyt, nyjaty, nyjõtyt

В приведенной таблице бросается в глаза, прежде всего, отсутствие форм Du. Для передачи 2 Pl используются показатели, которых нет в таблице Г. Н. Прокофьева и которые представляют собой, по мнению автора данной здесь таблицы, либо гибрид Du и Pl, либо аорист 2 Pl изъявительного наклонения, “императивность” которого “определяется контекстом” [Варковицкая 1947: 25]. Интересно отметить, что в тазовском диалекте 1970-х гг., по материалам говоров Красноселькупа и Ратты, существовали сходные с баишенскими лично-числовые показатели императива при наличии в то же время форм Du [Очерки 1980: 248].

Отсутствие числовой категории Du в глагольной системе баишенского говора Л. А. Варковицкая объясняет следующим образом. Она высказала предположение, что показатель двойственности *qu*, общий для имени и глагола (видимо, имеется в виду показатель 3Sg — *A. K.*), является скорее не числовым показателем, а показателем совместной деятельности, а для существительных — “совместности” [Варковицкая 1947: 23], или иначе — собирательности. В подтверждение данной гипотезы автор приводит три примера (соблюдается транскрипция автора, за исключением указанных выше замен): (1) *Šitty timnasyqäqu ilympõqu* “Два брата жили (вместе)”; (2) *Palna aj šitty timnasyqäqu ilympõqu* “Пална и два брата жили”; (3) *Korä menyty ämyntyqu* “Яму сделал с матерью своей”. В двух первых примерах, по мнению Л. А. Варковицкой, в терминах родства дважды подчеркивается совместность с помощью суффиксов *-syqä+qu* (аналогичные примеры авторами “Очерков...” членятся на суффиксы *-sy+qäqi* и трактуются первый как суффикс собирательности, используемый в именах родства и свойства, второй — как суффикс Du [Очерки 1980: 168, 339]). Можно возразить против предлагаемого Л. А. Варковицкой членения постфиксальной части терминов родства, поскольку в языке зафиксированы формы *anal' myqäqi*, *apal' myqäqi* “родители”, в структуре слов которых отсутствует суффикс *-sy*, но есть суффикс *qäqi* как вариант суффикса *-qu/-qi*. Во втором предложении показатель двойственности в глаголе оказывается употребленным применительно к трем лицам, а в третьем предложении — к двум разным (говорящему и его матери), что подтверждает догадку Л. А. Варковицкой о совместно-собирательном значении суффикса *-qu*. Авторы “Очерков” в 1970-е гг. считали, что в тазовском диалекте представлено двойственное число, однако в последние годы Е. А. Хелимский (устное сообщение) стал склоняться, подобно Л. А. Варковицкой, к мнению, что это не двойственное число, а категория собирательности. Но как ни относиться к трактовке данной категории, очевидно, что сама она испытывает заметные трансформации на протяжении, по крайней мере, всего прошедшего столетия. Речь должна идти скорее о некоей промежуточной категории между Sg и Pl, смысловая нагрузка которой (количество и // или совместность, собирательность лиц, предметов и действий), возможно, зависит от того, что считать толиком / темой / данным, а что — фокусом / ремой / новым и т. д.

Анализ текстов 1940-х гг. Л. А. Варковицкой и материалов 1990-х гг. демонстрирует, прежде всего, в пределах каждого конкретного корпуса текстов (то есть в синхронии) разнობой, царящий в сочетаниях двух имен с глаголом, числительного “2” с существительным и с глаголом и т. д. С другой стороны, сопоставление двух корпусов позволяет выявить изменения в употреблении конструкций такого вида в диахронии, установить, в чем именно состоят эти изменения.

Для разговорной речи носителя любого языка характерны колебания говорящего в подборе

слов, порядке их расположения; часты сбои в употреблении грамматических форм, оговорки и самоисправления; типичным является заполнение пауз вербальными и невербальными заменителями, повторы с их структурирующими функциями; при билингвизме нередко наблюдается еще и смешение кодов и др. параметры спонтанной речи (об особенностях устной спонтанной речи селькупов см. [Кузнецова 2001: 137–140]). Естественно, что все эти особенности разговорной речи приходится учитывать также и в случаях, когда речь идет о разнообразии, зыбкости употребления речи категории *Du / Collectiva* (числа / собирательности, совместности). Однако, именно при употреблении / неупотреблении *Du* в текстах 1940-х гг. не замечено ни одного сбоя или исправления; просто *Du* встречается весьма редко. Далее будет приведено несколько типичных случаев использования рассматриваемой “двуликой” категории в текстах 1941 г. и 1998–99 гг.

1. 1941 г. С числительным *šitty* и имя, и глагол стоят в *Du*, что можно обнаружить лишь в архаических (обычно в шаманских) текстах: *Nymty šmtaqy (Du) šitty nánnyl' ámäsyqäqy (Du)* “Там сели (две) гагары матки” [Варковицкая 1941. Т. 4: 85] (в комментариях к тексту Л. А. Варковицкая указывает, что на Баихе *nanu*, которое соответствует тазовскому *naqqu*, означает “гагара”). В текстах 1998–99 гг. таких примеров не зафиксировано. В этот период два имени, каждое из которых стоит в *Sg*, координируют с глаголом в *Pl*.

2. 1941 г. Чаще в сочетании *šitty*+*существительное* в *Du* глагол бывает в *Pl*: *šitty qumoqy (Du) orsymyl' Kaksap orqyl' nštyt (Pl)* “два человека сильного Каксу схватили” [Варковицкая 1941. Т. 2: 66]; *Konnäny karrä šitty nätäqy (Du) pannštyt (Pl)* “Сверху под гору две девки сошли” [Варковицкая 1941. Т. 4: 61]. Круг слов, стоящих в форме *Du*, обычно ограничен одушевленными существительными: *šitty qumoqy* “два человека”; *sitty kanaqy* “две собаки”; *šitty timn' asyqaqy* “два брата”. В текстах 1998–99 гг. *Du* существительных отсутствует, как и у глаголов, а при наличии двух существительных, каждое из которых стоит в *Sg*, обязательно употребляется глагол в *Pl*: *Nätäk i ija laqyssštyt* “Девочка и мальчик смеялись”. Единственные формы, где еще теплится воспоминание о *Du*, — это само числительное *šitty*, способное выступать в форме, осложненной посессивными показателями *Du* (или *Pl*), и имеющее лично-собирательное значение (*collectiva personalia*): *Me šitämi_z tottysymyt qapkan; te šitäli_z j / šitältyt tottysšlyt kapkan* “Мы вдвоем поставили капкан; вы вдвоем поставили капкан”. При этом наблюдается неуверенность говорящего в использовании формы 2 *Du* / 2 *Pl*.

3. 1941. При числительном *šitty* существительное далеко не всегда стоит в *Du*; оно может иметь и форму *Sg*: *Na šitty qumyp (Acc.Sg) naraposä nánnä coqonyty* “Этих двух людей хореом вперед толкает” [Варковицкая 1941. Т. 2: 62]. Если в текстах 1941 г. подобные примеры встречаются попеременно с существительными в *Du*, то в материалах 1998–99 гг. сочетание числительного *šitty* с существительным в *Sg* становится нормой: *šitä qup* “два человека”, *šitä utol* “две руки-твои”, *šitä cunDu* “две лошади” и т. п.

Рассмотрение в синхронном срезе текстов Л. А. Варковицкой показало, что категория двойственности как числовая категория разрушается, дает многочисленные сбои и сближается с категорией собирательности, при выражении которой существительное со значением множественности, но в форме *Sg*, требует глагола в форме *Pl*: *müty (Sg) cüñštyt (Pl)* “войско стреляет”. Однако это еще живая категория в первой половине XX в. в тазовско-туруханском ареале. В ней заметны наиболее слабые звенья, которым суждено было исчезнуть в первую очередь, — это глагол, двойственное число в котором в 1940-е гг. сохранялось лишь в архаических текстах.

Совершенно иную картину дает материал 1990-х гг. К концу века двойственное число фактически исчезло. Реликты его сохранились лишь в полустывших формах числительных со значением лично-собирательным. Даже старшее поколение носителей баишенского говора селькупского языка не знает форм двойственного числа.

Сравнение двух синхронных систем, отделенных друг от друга незначительным интервалом времени в 50 лет, свидетельствует о стремительном разрушении категории *Du* на окраинах тазовско-туруханского диалекта под натиском русского языка. В центральных говорах северного диалекта эта категория еще существует, хотя ее также коснулись изменения [Казакевич 2001: 97–99].

- Варковицкая Л. А. 1941. Архив. Тетр. 1–9.
- Варковицкая Л. А. 1947. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). М. (рукопись).
- Казакевич О. А. 2001. Судьба двойственного числа в говорах северного диалекта селькупского языка // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск. С. 97–99.
- Кузнецова А. И. 2001. Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков — русского и селькупского) // Труды Международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Аксаково. С. 132–140.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки 1980 // Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.: МГУ.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки 1993 // Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (учебное пособие). М.: МГУ.
- Прокофьев Г. Н. 1935. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. I. Селькупская грамматика. М.–Л. 136 с.